

КОНЦЕПТ «ЛЕС» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Т. В. Бурдакова

Тверской государственный университет, г. Тверь

В статье рассматриваются примеры реализации концепта «лес» в русской классике XIX века как отражение фольклорно-мифологических истоков данного концепта. Автор приходит к выводу, что роман И. А. Гончарова «Обрыв», повесть А. И. Куприна «Олеся» и «весенняя сказка» А. Н. Островского «Снегурочка» обнаруживают частичное жанровое сходство через обращение к русской волшебной сказке. Типологическое сближение проявляется в основном в мотивно-образном и идейном плане. Роль образа леса в рассмотренных произведениях близка функциям леса в русской сказке, выявленным В. Я. Проппом, и является их развитием. Автор привлекает к анализу данные ассоциативных словарей. Выстроенное на их основе ассоциативное поле лексемы «лес» служит дополнительным аргументом в пользу результатов исследования.

Ключевые слова: *И. А. Гончаров, А. И. Куприн, А. Н. Островский, ассоциативное поле, литературная концептология, концепт «лес», русская волшебная сказка, мифологическая поэтика*

В произведениях русской литературы концепт «лес» имеет фольклорно-мифологическую подоснову. Этим во многом обусловлено типологическое сближение жанровых элементов рассмотренных нами текстов в мотивно-образном и идейном плане. Ассоциации, возникающие при прочтении текстов в связи с образом леса и отсылающие к фольклорным источникам, подтверждаются данными ассоциативных словарей.

В романе И. А. Гончарова «Обрыв», «весенней сказке» А. Н. Островского «Снегурочка» и повести А. И. Куприна «Олеся» лес выступает особой обстановкой и силой, которая имеет непосредственное отношение к главным или значимым героям, связана с обстоятельствами их жизни, характерами, поступками, символическим наполнением образов. В перечисленных произведениях концепт «лес» реализуется, в первую очередь, через образы Тушина, Олеси и Снегурочки. С одной стороны, лес выполняет некие *функции* по отношению к героям, сходные с теми, что отведены ему в русском фольклоре, с другой – в облике и личности героев находят

© Бурдакова Т. В., 2026

отражение *свойства*, ассоциируемые в народном сознании с лесом. В каждом из произведений лес символизирует *природное начало*.

Так, в самой чаще в своей усадьбе живёт Иван Иванович Тушин, герой романа И. А. Гончарова «Обрыв». Облик его напоминает медведя – «высокий, плечистый... с тёмными густыми волосами, с крупными чертами лица... с густой тёмной бородой» [2, с. 450]; по словам Райского, «лесничему» свойственна «медвежья крепость организма» [Там же, с. 715]. Тушин и сам называет себя медведем и сам же отсылает к *сказке*, когда говорит Вере, что та всегда может спастись у него в лесу и медведь ей послужит «как в сказках сказывают» [Там же, с. 453]. В русском фольклоре медведь часто выполняет роль помощника, как, например, в волшебной сказке «Царевна-лягушка», где на первый план выходят такие свойства животного, как прямота, честность, большая физическая сила; или же выступает добрым советчиком, дарителем – подобно оборотню в суеверном рассказе «Медведь» [6, с. 370]: намёком на мотив оборотничества в романе можно считать одну из «забав» Тушина, когда тот выходил один на один против медведя или волка, после чего отлёживался несколько недель с «исцарапанным медвежьей лапой лбом» [2, с. 455]. Связь мотива животного-помощника и мотива оборотничества в народном творчестве наука объясняет явлением тотемизма [8, с. 156–157]. В качестве дарителя медведь довольно часто заменяет Ягу [Там же, с. 52, 70, 105].

При всём этом именно Тушин – «человек с ног до головы», лучший из людей, по словам Веры [2, с. 458]. Несмотря на «простоту» внешности и обращения с людьми, Тушин загадочен – как явление, как «природный человек», именно поэтому Райский проявляет к нему неподдельный интерес и силится логикой понять его тайну. Склад ума и чувств Тушина представляется Райскому «не разбавленным на тонкие оттенки» [Там же, с. 455], но именно этому герою дано чувствовать тоньше других, проявлять бескорыстие и прямое благородство. Тушин страстен, но страсть его к Вере «глубоко нравственная» [Там же, с. 715]. Лес – не только «дом» для Тушина, но и сфера его деятельности, преобразования. Тушин, по мнению И. А. Гончарова, – идеальный герой романа, кроме того, он – *идеал* будущего, пусть только *намёк*, но всё же намёк «на настоящее новое поколение» [3, с. 93].

Согласно В.Я. Проппу, лес в сказке выступает в двух основных ролях: задерживающей преграды (защиты от преследователей) и места инициации (испытания героя). В лесу чаще всего действует волшебный помощник. Можно сказать, что в романе «Обрыв» лес выполняет *функцию помощи* герою или героине (Вере), которая реализуется через *волшебного помощника* (Тушина).

Иногда лес в волшебной сказке оказывает помощь через *предоставление пространства для жизни, укрытия* (например, дупло старо-

го дерева прячет Безручку). Мотив защиты от преследователей схожим образом воплощён в повести А. И. Куприна: в лесу укрываются от людского гнева, вызванного суеверным страхом, Олеся и старая Мануйлиха. Жанр произведения обозначен как повесть, но часть сюжетно-образной системы в ней основана на сказочных коллизиях и персонажах. Так, внешность Мануйлихи, которая *неясно кем* (то ли бабушкой, то ли мамой) приходится Олесе, содержит «все черты бабы-яги как её изображает народный эпос» [5, с. 257]. Мануйлиха умеет предсказывать судьбу, лечить травами, заговаривать болезни. В сказках яга часто выступает благодетелем, дарителем и советчиком (например, испытывает, но и оберегает и затем награждает Василису Прекрасную). Мануйлиха оберегает Олесю – и в то же время, несмотря на предчувствие беды, позволяет ей испытать любовь.

Олеся, которую на самом деле зовут сказочным именем Алёна, тоже наделена необычными способностями (видит будущее, умеет приручить диких птиц и т. д.), живёт у «бабы-яги» в «избушке на курьих ножках», чем напоминает героинь волшебных русских сказок. Она свободолюбива, обладает особым провидческим умом, интуицией, а главное – способна на большую, самоотверженную любовь и всецело отдаётся этому чувству, понимая, что её избранник слаб (вряд ли сможет защитить её), хотя добр, пусть доброта его «не сердечная» и он не господин своему слову [Там же, с. 268]. Сказочная коллизия, связанная с испытанием главного героя (Ивана Тимофеевича) и борьбой «добра со злом», разрешается иначе, чем в сказках, реалистично выходя в план *повести*, однако «несостоявшийся» герой называет *сказкой* их с Олесей любовь, которая стала возможной лишь в лесу, защитившем её от людей.

У Тушина и Олеси немало общих черт: оба – «дети природы», цельные натуры, с врождённым чувством собственного достоинства и такта. Многое в них осуществляется «бессознательно»: в Тушине крылась «бессознательная, природная, почти непогрешительная система жизни и деятельности» [2, с. 733], Олесе были доступны «бессознательные, инстинктивные», «странные знания» – из тех, что опережают науку, хотя и перемешаны со «смешными и дикими поверьями» [5, с. 280]. Готовность Олеси пожертвовать собой ради любви выводит её на уровень *идеала* и роднит в этом плане не только с Тушиным, но и со Снегурочкой.

В основе «весенней сказки» А. Н. Островского лежит народная сказка о девушке Снегурочке, но в пьесе образ Снегурочки психологически сложен, многопланов, имеет своё развитие и находится в центре конфликта. Снегурочка пришла к людям из *заповедного* леса, где она родилась, девушка не просто «природна» – она дитя «сил природы». Сохраняя сказочную сущность, героиня наделена человеческим характером

и умом, более утончённым и глубоким, нежели берендей; она трудолюбива, нравственно чиста и, несмотря на свою «холодность», сумеет возвышенно и жертвенно полюбить. Уже само *желание любви* оказывается в ней сильнее страха смерти: обращаясь к матери Весне, она закликает: «Отдай любовь иль жизнь мою возьми!» [7, с. 447]. С самого начала Снегурочка противостоит берендеям, но конфликт между ними оказывается сложнее, чем столкновение холода и тепла, любви и «сердечной остуды». На наш взгляд, Снегурочка явилась неведомым, новым *идеалом*, отвергнутым берендеями, но увлекшим одного из них [1, с. 188]. Только полюбив Снегурочку берендей Мизгирь узнаёт, что любовь, кроме «утех», может заставить страдать, и «гордый духом смиряется» [7, с. 437].

В «весенней сказке» лес выступает как *иной мир*: там живут мифологические персонажи Весна и Мороз, в нём рождается Снегурочка и туда же возвращается к матери за «венком любви» — этот момент отсылает к обрядам инициации: «Обряд посвящения производился всегда именно в лесу» [8, с. 44–45]. Итак, воплощение концепта «лес» в пространстве трёх рассмотренных произведений имеет схожие черты за счёт фольклорно-мифологического мотивного компонента и смысловой наполняющей образов.

Несмотря на то, что вообще лес в русских сказках предстаёт амбивалентной силой и способен быть источником не только помощи, но и угрозы, анализ ассоциативного поля лексемы «лес» по материалам пословиц и по данным ассоциативных словарей показал, что смысл пословиц о лесе и вербальных реакций на слово-стимул «лес» имеет преимущественно положительную или нейтральную коннотацию и во многом отвечает ассоциациям, выявленным нами в ходе исследования текстов произведений. Так, пословица, приводимая В. Далеком: «в лесу люди лесуют, в людях людеют» [4, с. 85] передаёт представление русского человека о лесе как об ином мире, живущем по своим законам; в лесу человек всегда ощущает себя иначе, чем среди людей.

Ниже приведём несколько показательных в контексте данной работы реакций респондентов на слово-стимул «лес». В Русском ассоциативном словаре (РАС), Славянском ассоциативном словаре (САС) и Русском региональном ассоциативном словаре (ЕВРАС) в первую очередь прослеживается связь лексемы «лес» с признаками: *лесная фауна* — «волк», «медведь», «заяц» и др., *густота лесного покрова* — «густой», «дремучий» и т. д. [9, с. 291–292; 11, с. 134–136; 10, с. 204–205]. Во всех трёх словарях выделяются *эмоционально-оценочные реакции*, такие как «красивый», «прекрасный».

Впечатляет богатейшее разнообразие в перечисленных словарях малочастотных и единичных реакций на слово-стимул «лес», существенно расширяющих ассоциативное поле лексемы. Так, отмечены ре-

акции, отсылающие к *философским категориям* – «свобода» [9, с. 292; 11, с. 136], «бесконечность» [10, с. 205]; выделены *физические свойства* – «свежесть», «сила» [9, с. 292]. Лес воспринимается респондентами как «таинственный» [Там же, с. 292; 11, с. 136; 10, с. 205], «загадочный» [9, с. 291], «сказочный» [11, с. 136], как «естество» и «скрытая жизнь» [9, с. 291], как «дом» [11, с. 134; 10, с. 205]. Знаменательны следующие уникальные реакции: «древний» [10, с. 205], «родной», «сказка», «спасёт» [11, с. 136].

Так, мы видим, что основные смыслы, с которыми связана реализация концепта «лес» в рассмотренных выше произведениях, соответствуют устойчивым связям, возникающим в языковом сознании носителей языка с лексемой «лес». Роман И. А. Гончарова, «весенняя сказка» А. Н. Островского и повесть А. И. Куприна имеют в своей структуре схожие мотивы и образы, берущие истоки в народном творчестве. Тушин, Олеся и Снегурочка, значительно отличаясь от окружения, воплощают некий идеал, что соответствует статусу нравственного образца героев и героинь волшебных русских сказок. Важным также является то, что в рассмотренных произведениях концепт «лес» оказывается связан с концептом «дом».

Список литературы

1. Бурдакова, Т. В. Смыслы и образы на пересечении реального, идеального и фантастического в пьесе А. Н. Островского «Снегурочка» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2008. № 4. С. 182–188.
2. Гончаров, И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 7. Санкт-Петербург : Наука, 2004. 773 с.
3. Гончаров, И. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 8. Санкт-Петербург : Наука, 2008. 530 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. Москва : Общество любителей российской словесности, 1865. 629 с.
5. Куприн, А. И. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. Москва : Правда, 1982. 463 с.
6. Народная проза. Москва : Советская Россия, 1992. 632 с.
7. Островский, А. Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. Т. 7. Москва : Искусство, 1977. 608 с.
8. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1986. 368 с.
9. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. 1. Москва : АСТ, 2002. 783 с.
10. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России) : в 2 т. Т. 1. Москва : Московская международная академия, 2018. 542 с.
11. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2004. 790 с.

THE CONCEPT OF THE “FOREST” IN RUSSIAN LITERATURE

T. V. Burdakova

Tver State University, Tver

The article examines how the concept of the “forest” is actualized in nineteenth-century Russian classics and how these representations reflect the folklore and mythological substratum of this concept. The author argues that Goncharov’s novel “The Precipice”, Kuprin’s novella “Olesya” and “spring tale” by Ostrovsky “The Snow Maiden” display partial generic affinity through their sustained appeal to the poetics of the Russian magic fairy tale. Typological convergence is revealed primarily at the level of motifs, imagery, and ideational structure. The semantic and narrative functions of the forest image in the works under consideration are shown to be closely related to, and to develop further, the functions of the forest in the Russian fairy tale as described by Vladimir Propp. The analysis also draws on data from associative dictionaries: the associative field reconstructed for the lexeme “forest” provides additional empirical support for the article’s conclusions.

Keywords: *I. A. Goncharov, A. I. Kuprin, A. N. Ostrovsky, associative field, concept of the “Forest”, Russian magic fairy tale, typological convergence.*

Об авторе:

БУРДАКОВА Татьяна Викторовна – соискатель учёной степени кандидата наук в Тверском государственном университете (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: semargltat@yandex.ru.

About the author:

BURDAKOVA Tatiana Victorovna – Applicant for Candidate of Philology Degree at the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: semargltat@yandex.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.02.2026 г.
Дата подписания в печать: 13.03.2026 г.